

Дударева Галина Васильевна

Корреспондент – Флиге Ирина Анатольевна

11.01.2005

Сторона «В»

- *Расскажите о ваших с сестрой отношениях. Как Вы считаете, эти несчастья сплели сильнее, чем обычные отношения сестер, или нет?*

- Нет, я бы не сказала, потому что у нас очень разные характеры. Я по натуре своей – хулиганка, и всегда дома была за парня, за мальчишку: и строгала, и пилила, и всё. А она была такая нежная, нервная. И ее старались все немножко оберегать. И в какой-то мере я даже ревновала маму. – Не мешай Светлане, не трогай Светлану. И поэтому иногда даже я ее избивала подушками, и она кричала: - Мама, Галька меня бьет! Когда нас отправили в пионерский лагерь, я всё время срывала тихий час, и Светлану вызывали на линейку и отчитывали. В конце концов, она из лагеря сбежала, потому что ее за меня отчитывали как старшую сестру. Я после первого или после второго класса в пионерском лагере была с ней.

Так что мы как-то больше сдружились уже после того, как стали взрослыми. Когда у нее родилась дочь, я жила с мамой и работала в школе. Она привезла нам шестимесячную Ларису, мы с мамой ее воспитывали. Потом, когда я уже работала в Кеми, в Лыкошино, Лариса ко мне приезжала, жила у меня, училась в школе. И вот с этих пор как-то мы стали уже дружнее. А в детстве – нет.

- Да, получилось так, что у нас разница три года. Я пошла в первый класс, а Светлана – в четвертый. Нужно было сдавать много экзаменов, Светлана всегда очень хорошо училась. Мама мне – Не мешай! Я бросала сумку и шла гулять. Когда у меня был четвертый класс, тоже экзамены надо было сдавать, у Светланы – седьмой, это более ответственный. Мама – Не мешай Светлане к экзаменам готовиться! Когда у меня был седьмой, у нее был десятый. – Не мешай Светлане готовиться! И поэтому я вечно гоняла по улице, с мальчишками дралась, лазила по деревьям. Козу выводила гулять. Лазила по деревьям – рвала ветки для того, чтобы козе было, что вечером есть. *(Смеется)* А Светлана сидела за книжками и окончила школу с золотой медалью, а потом на персональную стипендию училась в институте.

Но это не отразилось на вашем образовании...

- Нет, на образовании не отразилось.

Как-то я не очень понимаю, а в чем обида была. На маму, да?

- На маму немножко обида была, потому что она ее пыталась защитить. Но я и маму тоже понимаю, потому что я хулиганила, я могла и побить, и всё что угодно.

А почему мама так относилась к вам и сестре по-разному?

- Она слабее. Она вообще всегда слабенькая. И нервы, и физически слабее была. Когда маму только освободили из тюрьмы, и она приехала в Ельню, я ее очень дичилась. Я ее забыла совсем и очень дичилась, и была только с няней. И обижалась, что... Вот, может быть, с чего это еще началось: жили мы довольно бедно, и поэтому одной и другой покупать игрушки, одежду не хватало денег. Покупалось Светлане, а мне всё доставалось по наследству. Светлане покупали новую игрушку – мне давали старую. Светлане покупали новое платье, мне передавали старое. И так это длилось практически много-много лет. Конечно, какая-то обида была.

За это она и была бита?

(перерыв в записи)

Вы говорили про маму, что мама как бы не по своей инициативе вступила в партию, а потому что папа велел.

- Нет, не велел, он просто ее воспитывал. Они познакомились в Ельне. Она работала машинисткой в военкомате, а отец (уже партийный работник) приехал туда. Председатель исполкома. Они познакомились, любовь у них завязалась. Ну и потом он партийный, она беспартийная... как-то вот он ее... ну не то чтобы насильственно заставил, а просто открыл ей глаза на то, что нужно строить коммунизм в нашей стране. Для этого нужно сначала быть комсомольцем, потом коммунистом. Вот она в 32-ом году вступила - вступила кандидатом в партию. И когда в 33-ем году отца направили работать завполитотделом Азовской МТС... я читала потом документы в ростовском партархиве, что она кандидатскую карточку потеряла, за что получила выговор в 33-ем. Нет, нет, ей восстановили эту карточку. И потом ее исключили, когда арестовали отца. И больше она уже в партию...

Получается, что это не ее собственная инициатива. Она не так верила в коммунизм, как верила мужу?.

- Конечно, мужу. Конечно.

То есть он велел, и она вступила...

- Нет, нет, не велел, а просто она ему верила, что действительно он всё делает для строительства коммунизма, что правильный путь, что нужно вот так двигаться вперед.

Ну а потом, уже после освобождения, она отказывается...

- Не после освобождения, а когда она уже после войны работала в школе (она была очень хороший педагог, ее награждали, Отличник народного просвещения и прочее), ее захотели сделать заведующей учебной частью. И говорят: - Ирина Николаевна, вам надо восстановиться в партии, мы хотим вас сделать завучем. Она сказала: - Я восстанавливаться не буду, не желаю. И ее не сделали завучем.

А как она это объясняла? Почему она не желает?

- Я не знаю, объясняла ли она...

Хорошо - им не объясняла. А как вы понимаете, почему она не вступала? Это что, конфликт с властью из-за гибели мужа, да?

- Нет, с властью конфликта у нее не было, она всегда... Она всегда верила, что Сталин не знает, и что всё это делается за его спиной, и что со временем он разберется, и все вернутся. Потому что она была уверена, что он [отец] сослан, потому что к нам приходил человек, сказал, что он сидел вместе с отцом, отец жив, здоров и шлет нам привет. Поэтому она верила, что всё, в конце концов, наладится.

Ну а почему она в партию отказалась вступить?

- Вот какой-то у нее был душевный надрыв в этом отношении. Она не рассказывала.

Ну а как вы думаете? Но как вы считаете? Из-за чего?

- Ну, наверное, именно потому что это партия... Ведь отец же не был диссидентом или кем-нибудь. Он всю свою жизнь жил честно и трудился для того, чтобы построить в нашей стране коммунизм. И она верила, что такие люди, как он, построят коммунизм. Но когда эта страна его посадила на десять лет без права переписки, она, наверное, потеряла веру в то, что коммунизм что-нибудь хорошее принесет.

То есть это получается, что обида на партию за мужа.

- Да, да.

И еще. Вы рассказываете, как мама искала отца, и как она обращалась, и как она ничего не боялась... Она искала мужа, или хотела добиться справедливости?

- Нет, она искала мужа. Вместе со своей подругой ездила. И она единственная из всех, кто сидел с ней в камере, не отказалась от него, не сказала, что он враг народа, что она от него отказывается, чтобы ее не коснулось это, что она не при чем. Нет, она сказала: - Я не верю, что он враг народа, я ему верю, это очень хороший человек, и всё это ошибка, он не мог пойти против власти, против партии.

Она мужу верила больше, чем партии, следователям и всем.

- Да, да. Она верила очень мужу.

Искала мужа, добивалась его реабилитации, не отказалась от него в тюрьме..., она не из чувства справедливости это делала, а просто потому что хотела вернуть мужа. Так?

- Да, конечно. А в справедливость, я думаю, она уже не верила, потому что отца посадили. Он был идеальным членом партии, он критиковал своих друзей, которые ходили в халатах, приходили их домой брить, которые имели по несколько комнат и прочее. Он всегда их ругал, говорил, что коммунисты так не должны себя вести. И она знала, что это [отец] идеально чистый человек. И то, что его посадили, не известно, где он и что с ним, - вот она пыталась его именно помочь освободить.

А когда она отказалась вступить в партию, это результат личной обиды за мужа, а не потому, что она решила, что вся система плохая.

- Систему она никогда не ругала. И Светлана как раз мне сказала (я-то тогда еще поменьше была), что мама всегда верила, что Сталин не виноват, что он разберется, и всё будет хорошо. Светлана говорит, что мы с ней из-за этого часто спорили, потом я уже перестала спорить, когда уехала в Ленинград. И когда она приехала сюда и увидела всех ее друзей: Бэна, Бориса Пустынцева и прочих, она была сначала в ужасе от их разговоров...

Мама, да?

- Мама. Но пожив с ними вместе, она немножко как-то уже к этому стала относиться легче... Когда стали говорить, что Ленин – это террорист и жестокий человек, и что умер он от прогрессирующего паралича на базе сифилиса, - сначала для нас это было ужасно и чудовищно, и мы не верили во всё это. Но это говорил отец Георгия Бэна, который был известный профессор, вернувшийся из Америки, вступив там в партию. В 22-ом году он вернулся. И приходилось верить. И, в конце концов, она как-то начала относиться к этому более спокойно.

Вот эта нервность Светланы, про которую вы говорите, что говорить ей трудно, вспоминать тяжело, - это у нее с детства?

- Это у нее с детства. Когда отца забирали, ей было 3,5 года. Она очень переживала. И потом, когда маму арестовали... Вот у нее какой-то нервный стресс произошел...

Но это прошло с возрастом?

- Ну, сейчас тоже она иногда, когда ей очень тяжело, она может... как-то подергаться... Не физически, а морально подергаться.

Почему она отказалась дать интервью? Почему она не хочет рассказывать?

- Она не хочет рассказывать всё это. Она говорит: - Мне будет очень тяжело. Трудно перенести вот эти воспоминания, беседу. Тем более, рассказывать человеку, который впервые слышит обо всем этом. Она говорит: - Вопросы принеси, я тебе отвечу, а ты расскажешь, как я ответила. *(Конец записи)*